

Про крыс и людей

Александр Фирсов

16+

Александр Олегович Фирсов

Про крыс и людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40301077

SelfPub; 2019

Аннотация

Сюжет развивается в альтернативной реальности в средние века, где человечество лишь второй по развитости биологический вид на земле. Первый – крысы. Центральная нить повествования – военный конфликт между двумя цивилизациями. Но главная идея рассказа – это ирония над современной мировой демократурой, государственностью и всеобщим повальным невежеством. В оформлении обложки использован фрагмент картины «The Dance of Rats». Автор Ferdinand van Kessel.

Сайман сидел на столбе маленького и порядком покосившегося забора, отделявшего пашню от заднего двора, на котором в большом количестве обитал различный домашний скот. Он смотрел на удручающую, по его мнению, картину. Щуплый и сгорбленный человек, с почерневшей от тяжелой работы кожей, тащил по полю плуг-рало, который ремнями крепился на его впалой груди и плечах. Его тело покрывали грязные одежды, истлевшие от времени, а обуви не было вовсе. Взор его был болезненно затуманен и, кажется, он уже с трудом понимал, что он делает и где вообще находится. Сайман брезгливо отвернулся.

– Эй, Мао, ты только посмотри на этого бедолагу. Местный феодал заставил его заплатить за право жениться на его землях. У него, разумеется, нет денег на это, поэтому целый месяц он должен работать на пахоте, вместо лошади. А ведь это его последний шанс, он уже не молод. И судя по всему ему не протянуть до свадьбы.

– Почему тебя это интересует, Сайман? Разве у тебя нет своих дел? Может быть, слезешь с этого столба и уже поможешь мне? Так мы быстрее закончим и быстрее отправимся домой.

– Да так...просто они смеют называть себя разумными существами, но нет ничего более неразумного, чем-то устройство жизни, которое они себе создали. Знаешь, мне их не жаль, – подытожил Сайман, а затем ловко спрыгнул на землю, мягко приземлившись на все четыре лапы.

– Ты еще молод, Сайман, и не понимаешь многого. Они мыслят не так как мы. Этот человек даже не подозревает, что может жить как-то по-другому, отлично от того, как живет он, как жил его отец и дед. Они считают, что видят мир таким, каким он есть на самом деле, при этом, что иронично, не способны видеть дальше своего носа. Но эта общая черта слаборазвитых видов. Со временем они научатся... если раньше не вымрут. А теперь пойдем, что-то мне не нравится анализ местной почвы, уже который месяц подряд показатели вдвое выше нормы. Но прежде чем писать жалобу на работу местного конгломерата зеленых, нужно проверить все близлежащие жилища людей. И еще, пожалуйста, хватит корчить из себя каскадёра, перестань прыгать с этих ужасных столбов, побереги свой хвост.

– Ладно, старик, я обещаю, а теперь пойдем скорее, хочется успеть на вечернюю медитацию.

И они побежали в сторону ветхого домика, мелко семена короткими лапками. Они старательно огибали грязные лужи из нечистот, которые возникали везде, где обосновывались люди. Не то, чтобы это были нечистоты самих людей, нет, просто так всегда случалось: где появлялся человек и начинал присущую ему активную деятельность, там всегда было нечисто.

Оттого у Саймана, да и многих других его соплеменников сложилось стойкое ассоциативное ощущение того, что всё, что делают люди, обычно скверно пахнет. Мао тем вре-

менем продолжал излучать концентрированную нравственность, которая за неимением других слушателей ложилась тяжелым грузом на плечи Саймана.

– Хотя люди далеки от того понимания вещей, которое присуще нашему виду, ты должен уважать их слабости, а не осуждать. Они не ведают, что творят, словно дети. Ты ведь выше этого и должен с пониманием относиться к братьям нашим большим, и уважать их самобытность, и оставлять им право вести свои дела так, как они привыкли, – при этих словах он смачно угодил передней лапой в большую кучу свиного дерьма и едва не упал. Они остановились, чтобы он смог привести себя в порядок.

– Ну не знаю, Мао, всё, что они делают, это мучают себя и других ради каких-то сомнительных выгод. Они гордятся какими-то непонятными вещами. Вот посмотрите на нас: мы собрались большой кучей и в кровопролитной для обеих сторон войне смогли победить наших соседей и захватить их земли, на которых сначала все сожгли и разрушили. Или так вот, обманывая своих родичей, я сумел захватить много ресурсов и буду использовать их только ради дальнейшего обогащения своего клана, а остальных загоню под сапог, чтобы они никогда не смогли более подняться. А всю оставшуюся жизнь буду разглядывать себя в зеркале и прокручивать одну и ту же мантру в голове: «Посмотрите на меня, я смог всех обмануть, подчинить и заставить бояться. Какой я молодец, я никому ничего не должен, зато все кругом должны

мне. И гори все прочее огнем».

Старик Мао неодобрительно посмотрел на него.

– Чем ты только занимался на уроках безусловного принятия? Ты можешь... Нет, ты обязан уважать людей такими, какие они есть и принимать их вместе с их недостатками. Или ты ничем не лучше их. Бери пример с меня, нет никого более терпимого к другим видам и понимающего их, чем я! – Мао почти кричал и вообще был заметно раздражен словами Саймана.

– Наверное, поэтому ты орешь на меня, за то, что у меня есть собственное мнение, – с иронической ухмылкой спросил Сайман.

– Молчать! Слушай внимательно, повторять не буду, другой бы на моем месте уже доложил на тебя, а я все терплю и пытаюсь научить тебя уму разуму! – он вдруг остановился, затем медленно выдохнул и уже тихо и миролюбиво продолжил. – Я просто хочу, чтобы ты был достойным членом нашего общества, поэтому иногда могу вспылить. Просто пойми, что наша обязанность исправлять то, что они иногда по своей несмышлености могут натворить. Но такова их природа. И они удивительны по-своему, у них много красивых и добрых ритуалов и традиций, о которых мы сами уже давно забыли. Так что они такие же, как мы, просто ищут свое место на этой земле. Будь к ним помягче, – сказал с улыбкой Мао и хотел было подойти к Сайману, как вдруг его снес здоровенный камень, пущенный откуда-то сбоку.

Сайман инстинктивно повернул в ту сторону голову и увидел метрах в десяти трех маленьких грязных ребятишек, которые теперь радостно прыгали и кричали, видимо, по случаю удачного попадания. Сайман перевел взгляд туда, где, по его мнению, должен был находиться Мао. Старик лежал в полуметре от того места, где судьба свела его с суровой реальностью и, судя по мясным ошметкам и большой луже крови, был мертв. Сайман хотел было чем-то помочь ему, но не знал чем и теперь просто переминался с лапы на лапу. Впрочем, недолго, потому как увидел, что оборванцы уже поднимали новые камни, чтобы продолжить охоту. Ситуация становилась критичной, и поэтому Сайман бросил прощальный взгляд в сторону Мао, а затем юркнул в кусты. Еще долго до него доносились радостные человеческие голоса, язык которых он еще не очень хорошо знал, но кое-что запомнилось ему навсегда: «Мама, мама, посмотри, какую здоровенную крысу нам с ребятами удалось подбить».

– Скажите, что вы почувствовали, когда вашего наставника убили прямо на ваших глазах? – выкрикнула вопрос из зала полная рыжая корреспондентка из какой-то второсортной газеты. Сайман устало перевел на нее взгляд. Вот уже второй час длится пресс-конференция, на которой все эти разношерстные журналисты тянут из него жилы. Все они задавали самые глупые вопросы, пытаясь всеми правдами и неправдами раскрасить инцидент в коммерчески или политически выгодные цвета. «Это была направленная акция агрессии

в сторону свободного крысиного общества?», «Не собирается ли человечество объявить нам войну, можно ли назвать последние атаки прощупыванием почвы и пробой сил?» — раздавались со всех сторон громкие голоса. Особенно отличился конспирологический блог: «Как вы считаете, являются ли последние нападения людей на крыс простым совпадением или это сговор нашей политической верхушки для запугивания масс?» Или совсем бредовые: «Прослеживается ли в этих преступлениях дельфиний след? Насколько реальна опасность со стороны моря?» и так далее. Некоторые приходили просто во всеуслышание заявить о своем бренде или торговой марке вообще без какого-либо интереса к теме собрания. В общем, Сайман готов был сказать, что угодно, лишь бы этот цирк поскорее закончился. Он прикрыл на секунду глаза. «Что я почувствовал? Ничего я не почувствовал, кроме страха, от которого чуть не наделал под себя. Было страшно, что вот-вот следующий камень разmozжит мне голову, и я даже не успею понять, что меня не стало. Страшно, что вы вот также превратите трагедию моей смерти в шоу идиотизма, как сейчас это происходит с памятью бедного Мао и других, разделивших его участь. И хоть страшно стало только теперь, зато на всю оставшуюся жизнь».

Он сделал максимально скорбное лицо, на которое только был способен и тихо произнес:

– Знаете, что может почувствовать крыс, когда уходит его друг? И не просто друг, но учитель, наставник, с которым

бок о бок день ото дня нес непростую службу на благо отечеству. Всё, что я знаю, это его заслуга. Все молодые специалисты хим-аграрной разведки, которые имели честь служить и работать под его началом, знают его как доброго, отзывчивого, порой требовательного, но неизменно справедливого крыса и скорбят сейчас вместе со мной. Ушла легенда, ушла эпоха по нелепой, трагической случайности, спросите вы? Или по коварному и подлому сговору? Я не знаю. Но я знаю точно, чего желаю, чтобы больше ни один сын или чья-то дочь, ни одна крыса не повторила участи старого Мао – и, немного подумав, добавил, – и остальных неназванных героев. Слава крысиной конфедерации! – с чувством закончил Сайман и под общие овации толпы попытался быстро покинуть конференц-зал. Но не успел он и на пару шагов отойти от трибуны, как за нее вскочил какой-то уполномоченный член одного из обществ, которых развелось так много, что Сайман не помнил названий и сути их должностей. Он активно жестикулировал лапками, призывая людей к вниманию. Добившись желаемого, с надрывом закричал:

– Предлагаю выдвинуть брата Саймана Куцехвоста на роль главы комитета по противодействию внешним угрозам, – и видя некоторое недоумение на лицах общественности, быстро пояснил, – в том числе человеческому и дельфиньему террору. Ибо только тот, кто видел это зло воочию, может объективно воспринимать и оценивать врага и соответственно предложить эффективные меры защиты. Слава кры-

синой конфедерации! – услышав знакомую фонетическую гамму, народ взревел и тут же принялся отбивать хвостами бит, под ритм которого стали скандировать: «Единогласно! Единогласно!»

Сайман даже удивиться не успел, как народная рука вытолкнула его обратно на трибуну. Тот самый крыс с потным и липким хвостом тихо прошептал на ухо.

– Скажи что-нибудь ободряющее, вселяющее надежду, остальное не твоя забота, понял? – и, удаляясь, напоследок похлопал его по плечу. Соображая, что бы такое сказать, Сайман Куцехвост, младший сотрудник хим-аграрной разведки, а ныне глава стратегического комитета обороны родной коммуны, а вскоре и всего крысиного евроуниона, растерянно глядел перед собой и неуклюже махал лапкой в ответ на приветственные возгласы собратьев. Но скоро он уже взял себя в руки и, будучи всегда сообразительным крысом, верно решил, что в создавшейся ситуации благоразумнее всего будет вести себя так, как это делают все прочие политические избранники – врать напрапалую. Врать самозабвенно и с чувством. Так, чтобы даже самая сухая и неплодородная крысиная душа под живительными потоками лжи смягчилась и увлажнилась для того, чтобы пустить первый, еще робкий и слабый росток надежды на светлое будущее. Набрав побольше воздуха в грудь, он начал:

– Для начала хотелось бы поблагодарить общественность за предоставленную возможность послужить родному отече-

ству. В свою очередь обязуюсь оправдать... Нет, превзойти все, даже самые смелые ваши ожидания. В самые короткие сроки я приступлю к должностным обязанностям и уверяю вас, что не успеет еще пыль осесть в этом зале после моего избрания, как появятся первые уверенные результаты работы комиссии. Приоритет и наша основная цель будут состоять в том, чтобы каждый свободный крыс на вверенной нам земле чувствовал себя безопасно и защищенно от всяческих внешне видовых посягательств на свободу и жизнь, – затем он сделал паузу, не зная, что еще сказать. Вероятно, следовало надавить еще на какой-нибудь врожденный инстинкт, чтобы полностью заручиться поддержкой толпы. – Ради будущего наших детей, ради процветания коммуны и всего свободного крысиного общества! – и напоследок что-нибудь из славного, но в то же время трагического прошлого его отечества. – Однажды уже враг благодаря нашей беспечности подходил к нашим воротам, и лишь кровавой ценой нам удалось разгромить тогда армию котов и возглавляемого ими жестокого националиста-диктатора, генерала Китлера. Наученные горьким опытом, в этот раз мы на корню, так сказать, в зародыше, пресечем любые поползновения потенциального врага на наши ценности и свободы. Слава крысиной конфедерации! – и Сайман торжественно сжал лапку в кулак, поднятый над головой. А затем, не дожидаясь вопросов из зала, резко развернулся и быстро-быстро, уже почти бегом, направился к выходу. У самых дверей его поймал тот

самый крыс с потным хвостом.

– Здорово, брат, у тебя вышло, сориентировался в ситуации, хвалю! Такие нам нужны, – крыс по-приятельски обнял Саймана за плечи и повел его в дальний угол площадки. Повсюду сновали крысы различной политической и физической увесистости, каждый из которых намеревался добраться до трибуны, чтобы толкнуть под шумок свои интересы. Как правило, это удавалось тем особям, оба параметра которых являлись исключительно внушающими. Что касается массы тела, то поговаривали, что многие из них сидят на специальных диетах, позволяющих набрать большой вес, при этом сохранив подвижность и ловкость. На это также косвенно указывала особая популярность у представителей политической элиты, такого вида спорта как сумо-штино, где атлеты внушительных комплекций соревновались, кто из них за ограниченное время сможет съесть больше головок одноименного сыра. Традиционно сильнейшими в этом виде спорта считались атлеты, живущие в небольшой азиатской коммуне на самом востоке конфедерации, расположенной на архипелаге в тихом океане. У них даже имелась собственная философия на этот счет, но что именно она собой представляла, Сайман никогда не знал, ему было не до того. Из школьной программы он только помнил, что даже солнце у них называлось сырной головой и было изображено на флаге, только почему-то красное, видимо, в силу необъяснимых этнических особенностей, присущих ментальности

местных крыс. Так или иначе, глядя на здоровенных, жирных крыс, толкущихся у заветного места, Сайман понимал, что отчего-то они совсем не напоминали тех исполненных достоинства и душевного умиротворения восточных собратьев, на которых они так старательно хотели походить.

Тем временем, незнакомец оттащил Саймана в самый дальний и тихий угол, схватил его за плечи и по-заговорщицки, с оглядкой по сторонам, начал:

– Смотри сюда, Куцехвост, конечно, никакой такой комиссии по противодействию внешним угрозам у нас нет, но теперь за этим дело не станет. Благодаря созданному резонансу, общественность нас поддержит, и мы быстро обставим это дело. Это мы умеем. Твоя обязанность заключается в том, чтобы быть на передовой и что есть силы торговать своим ... В общем, быть лицом нашего движения, и живым символом, и постоянным напоминанием о том самом, – при этом он многозначительно посмотрел на Саймана, – в смысле о сути дела. А то знаешь, они, – он кивком головы указал на беснующуюся толпу в зале, – слишком отвлекаются и быстро переключаются на разное, и если постоянно не напоминать им о том, что для них действительно «важно»... то можно, знаешь, совсем остаться без финансирования.

– А вы собственно кто такой и какое право имели затягивать меня во все это?

– Сайман попытался освободиться из цепких рук назой-

ливого незнакомца.

– О, пардон! Меня зовут Арчибальд Сакс, и я ваш официальный главный советник в делах, касающихся новоиспеченной комиссии, – при этом он сделал характерный жест кавычек своими коротенькими, толстыми пальцами.

– Да, но кто вы? Зачем я здесь, неужели вы не можете проворачивать свои грязные делишки без меня?

Добродушно улыбающийся до этого Арчибальд вдруг резко изменился в лице. Брови его сдвинулись к переносице, он до боли сжал плечи Саймана и угрожающе зашипел:

– Ну-ка, слушай сюда, ты, свободная крыса. Да ты плясать должен от радости, что попал сюда, понял? Работа не пыльная, к тому же азы ты, кажется, освоил. Делай, что скажут, куда не надо нос не суй, и все у тебя будет хорошо. А будешь хорохориться, тоже станешь неназванным героем, усек? Всё, повторять не буду, – и лицо его опять приняло мирное и сытое выражение. – Ты мне понравился, хорошо говорил, ладно так. Видно, что соображаешь, так что не надо вот этого всего...крысиных прав, равенства и прочего. Мы все равно теперь, нравится тебе или нет, в одной лодке, так что лучше поддерживать дружеский климат, оно так продуктивнее будет.

На самом деле Сайман, конечно, сразу все понял и возмущался чисто для проформы, чтоб уж совсем не чувствовать себя бесправным холуем. В отличие от всех членов этого стада там, в зале, которые взаправду считали себя свободными

и равными друг другу, он понимал, что к чему на самом деле. Вероятно, поэтому у него и случился неожиданный карьерный рост. Награда за осознанность. Он так себе это и представил: светлое, окутанное паранормальным светом облако, из которого отделяется пергамент, покрытый золотым орнаментом по краям, и летит прямо к Сайману в лапки. Он с достоинством принимает пергамент, осторожно ломает печать на документе, разворачивает его и видит большую, искусно выполненную запись: «Награждается Сайман Куцехвост – и чуть ниже пояснение – «за четкое представление и понимание первостепенных истин о движении фундаментальных сил, о принципах их циркуляции и перемежения в условиях пространства вселенной и дальнейшей рекурсии этих сил на относительном микроуровне, отраженной на примере регуляции социальных взаимоотношений в отдельно взятой популяции живых существ посредством классовой стратификации».

– Не спи, товарищ председатель комиссии, – Сакс щелкнул пальцами перед его глазами.

– Да, я, кажется все, понял, – быстро произнес Сайман, – но хотелось бы поинтересоваться своими перспективами и выгодами от этой авантюры, – все-таки он понимал, что нужен, и хотел взять по максимуму из сложившейся ситуации.

Арчибальд оценивающе осмотрел его:

– Не бойсь, работа обычно оплачивается хорошо. В об-

щем-то, все зависит от тебя, если проявишь нужные таланты в нужных направлениях, так сказать, то будешь вполне себе свободной крысой.

В просторном кабинете Сакса было практически темно и очень душно, не говоря уже о мучительном напряжении, повисшем в воздухе. За массивным столом сидела в полном составе вся комиссия по противодействию внешним угрозам, и каждый из ее членов находился сейчас в процессе мыслительного штурма. Во главе стола сидел сам Сакс и грозным, требовательным взглядом осматривал поочередно каждого из присутствующих.

Когда очередь дошла до Саймана, тот лишь поджал усы и стал активно тереть лоб, пытаясь изобразить интеллектуальные муки. На деле же в его голове ничего, кроме сумбура из мелькавших перед глазами ужасов, не было. Он не был политиком или управленцем по своей сути, к тому же последние месяцы вообще делал строго все по сценарию, заранее написанному штатными политтехнологами, спичрайтерами и другими закулисными специалистами, и потому вообще как-то лишился самостоятельности, был сейчас растерян и напуган. Все-таки номинально он считался главой комиссии и соответственно все шишки в скором времени должны были посыпаться в первую очередь на его голову. Сейчас он уже жалел о том, что ввязался в эту историю, а с другой стороны, всё до сегодняшнего дня складывалось просто отлично, и никто не мог вообразить себе подобно-

го исхода. Все время с момента назначения на должность он только и занимался тем, что выступал на публике, встречался с представителями различных партий и блоков, посещал светские мероприятия, а в перерывах обучался ораторскому искусству, полемике и прочим психо-колдовским техникам наведения морока. Это была интересная, хотя и зачастую утомительная жизнь, к тому же платили действительно неплохо. Под его прикрытием Сакс и остальная команда выуживали средства из бюджета, наводили взаимовыгодные отношения с другими политическими и общественными силами и еще много чего такого, что Сайману знать было не положено. Даже разработали и узаконили несколько проектов о безопасности. В общем, все шло гладко, и будущее виделось исключительно безоблачным. Но сегодня с самого утра начали приходить тревожные новости о массовых нападениях организованных групп людей на крыс по всей территории коммуны. По сообщениям, число жертв уже исчислялось сотнями, а то и тысячами. Причина такой внезапной агрессии со стороны людей не была выявлена.

Сакс экстренно собрал совещание.

– Ну что вы сидите, соображайте, что делать будем, с минуты на минуту нам могут позвонить из администрации короля Пуччи и вызвать на ковер! – орал Сакс на подчинённых, вытаращив красные воспалённые глаза.

Вдруг дверь в кабинет приоткрылась, и в узкую щель протиснулась испуганная мордочка секретарши:

– Господин Сакс, пришел специалист, которого вы просили срочно вызвать. Пригласить?

– О! Как раз вовремя, зови сюда! – лицо Сакса даже на пару тонов просветлело от внезапной новости. Голова секретаря скрылась за дверью, и меньше чем через минуту дверь широко открылась, и в кабинет не спеша вошла удивительной красоты дамочка. Таких эффектных девиц Сайман не встречал, кажется, ни на одном светском рауте, на которых успел побывать. Сакс, широко улыбаясь, прошел ей навстречу, и они дружески обнялись:

– Лариса, рад, что ты смогла подъехать, мы пропадаем... выручай, на тебя вся надежда.

Лариса в свою очередь холодно поприветствовала собравшихся и сказала, обращаясь, по всей видимости, к Саксу:

– Ну что ж, тогда не будем терять время, – и красотка развернулась лицом к зрителям и с полминуты присматривалась к хмурым крысам за столом.

– В общем, так, – неожиданно громким и уверенным голосом произнести она. – Как обстоят дела, вы уже в курсе. Все в евроунионе сейчас ломают голову над тем, что все это значит и как с этим быть. Наша локальная задача состоит в том, чтобы, во-первых, предотвратить новые жертвы, во-вторых, обеспечить безопасность коммуны и ее жителей. Но самая главная наша задача состоит в том, чтобы вам не лишиться своих кресел и тем более не пойти под суд. Первое и второе, вы вряд ли сможете сделать, поэтому сразу сосредоточимся

на последнем. Это сложно, но возможно. И для того чтобы это стало возможным, необходимо, несмотря на полный профессиональный провал и служебное фиаско, остаться в доверительных отношениях с народом. И не просто в доверительных, а добиться того, чтобы народ вам же сочувствовал и встал на вашу защиту от закона, – она сделала паузу, давая время переварить услышанное. Крысы стали непонимающе переглядываться, воцарилось тихое ворчание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.